

ИСТОРИЯ РОССИИ

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

УДК 94(47)''1917''_329.14

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: МИФЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории, *Москва, Россия*

Автор показывает, что всякая революция связана с определенным набором мифических представлений о прошлом и будущем. В свою очередь, победа революции порождает новую волну мифотворчества. В представлении подавляющего большинства населения России режим Николая II был совершенно нежизнеспособен. Это обеспечило столь быстрое от него избавление. Новая власть, со своей стороны, вдохновлялась мифами о спасительности демократии и многопартийности. Эти надежды оказались несостоятельными. В значительной степени российскую демократию победили всевозможные слухи, связанные с непониманием политической культуры западного образца. В этих условиях победа оказалась за большевиками, чья вера в марксистский прогноз сомкнулась с народными упованиями на «чудо». Воззрения такого рода оказались очередной утопией.

Ключевые слова: Россия, революция, миф, слухи, многопартийность, демократия, большевизм.

Всякая революция со временем превращается в миф. Это «переживаемая реальность». Это настолько естественно, что мы никак не можем от нее избавиться. Причина понятна: какие бы глубинные культурные и социально-экономические предпосылки ни стояли в основе революционных реалий, ее истоки и последствия питаются и подпитываются эмоциями и людским воображением.

Эмоции прошлого, опрокинутые в будущее, – плохое подспорье для историографа. Они деформируют исследовательскую оптику. Вынырнув из исторического небытия, они превращают проницательного (по определению) историка в пассивного «зрителя». В любом случае эмоции прошлого и настоящего – при всем их неудержимом неистовстве – не способны вырваться в пространство большого исторического времени, в необъятных границах которого только и можно понять и революцию, и волну порожденного ею мифотворчества.

Мифы вечны и многообразны, как сама жизнь. А потому основное (пусть невольное и неосознаваемое) занятие историка – держать своего рода круговую оборону против нескончаемого мифотворчества. Это задача почти безнадежная. Люди хотят «комфортного» прошлого, чтобы уверенно чувствовать себя в настоящем. Они легко допускают веру в бесчисленные заговоры и перевороты, устраиваемые «темными силами» и злокозненными инсургентами – это позволяет смириться с «неудобствами» каждодневного существования. «Герои и злодеи» ушедших эпох позволяют ориентироваться в «дobre и зле» сегодняшнего дня. Историк может аргументировать свои доводы бесконечным множеством фактов, но ему трудно справиться с людской психологией, требующей доходчивых объяснений – той самой простоты, которая, согласно пословице, хуже воровства.

К генеалогии российского самообмана

Сегодня довольно трудно усвоить, что в феврале 1917 г. монархию практически никто *не свергал*. Революционеры томились и бездействовали в тюрьмах и ссылках, в лучшем случае – в эмиграции. Николай II, со своей стороны, даже не пытался цепляться за власть. Он уш`л, воображая, что кругом «измена, предательство, обман». Так мог думать «обиженный» человек, тяготившийся навязанной ему ролью, однако пытавшийся «тянуть лямку». Однако мы до сих пор верим в миф *демократической* революции. Верим потому что это нам *ближе и понятнее*.

Из непонимания сути произошедшего и вырастают конспирологические теории, порой подвёрстанные под современную политику¹. Убедить простого читателя в достоверности любой «заговорщической» версии нетрудно. Достаточно подобрать некоторые факты, намеки, обмолвки, исходящие от запутавшихся в хаосе 1917 г. современников, навязать им понятные человеку наших дней взаимосвязи, и получится «убедительная» картина. Миф торжествует благодаря нашему легковерию.

Сегодня уже доказано, что представление о революции лежит в самой основе Нового времени². Это вызывало и вызывает попятные реакции. И то, что некоторые нынешние философы видят в революции «возвышенный объект идеологии»³, отнюдь не сдерживает конспирологических блужданий наших дней. Мифическое бер`т верх над разумом в переломные времена.

¹ См.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474–550; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, М., 2011, S. 474–550; Airapetov O. R., *Generalny, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu. 1907–1917*, М., 2003.

² Kosellek R. Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs // *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1977. S. 69.

³ См.: Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

Zhizhek S., *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii*, М., 1999.

Известно, что накануне революции Россия буквально кишела слухами о всевозможных заговорах. И их по-своему – чаще невольно – использовали уже тогда. После убийства Распутина даже В. И. Ленин (отнюдь не склонный верить в могущество «темных сил») заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств», поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, «чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир»⁴. Миф прилипчив. А потому не стоит гадать, чьи домыслы столетней давности возьмут на вооружение нынешние «конспирологи» – к реальной истории это не имеет отношения.

Соблазн «рациональных» объяснений в историографии (не говоря уже о массовом историческом сознании) настолько велик, что ему поддаются даже серьезные авторы⁵. Центральной фигурой сонма «врагов престола», конечно, оказывается А. И. Гучков, имевший обширные связи и с генералами, и с промышленниками⁶. Между тем сам он после Февраля уверял: «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти»⁷. В известных обстоятельствах человек «проговаривается», и историк может его «подловить». Не случайно весьма импульсивный Гучков в начале августа 1917 г. следственной комиссии Временного правительства сообщал нечто иное: уже к концу 1916 г. был разработан план государственного переворота⁸. Что же ему помешало: только ли неожиданная болезнь? А может, все ограничилось привычными для тогдашней обстановки разговорами – то ли о заговоре, то ли о перевороте? Конечно, в эмиграции Гучков постарался напустить туману на былые замыслы и деяния⁹. И это можно понять. Но стоило ли из мутной информации, поставляемой мемуаристами в порядке самоутверждения, выстраивать картину того, чего не могло быть? Настоящие заговорщики действуют, а не болтают. Но это никак не доходит до современных конспирологов.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, Т. 31, S. 16

⁵ Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996.

Senin A. S., *Aleksandr Ivanovich Guchkov*, М., 1996.

⁶ См.: Козодой В. И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201.

Kozodoi V. I., *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya*, Novosibirsk, 2015, S. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201.

⁷ Речь. 1917. 9 марта.

Rech', 1917, 9 marta.

⁸ Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 277, 279.

Padenie tsarskogo rezhima, М., Л., 1926, Т. 6, S. 277, 279

⁹ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.

Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet... Vospominaniya predsedatelya Gosudarstvennoy dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva, М., 1993

Всякий человек склонен – имплицитно и даже эксплицитно – навязывать событиям былых лет логику современности. И чем «непрозрачнее» прошлое, тем заметнее соблазн «открытия». Разумеется, лучше всего это удаётся людям, не отягощённым профессиональной подготовкой, или шарлатанам, рассчитывающим на «простака». В данном случае их работа облегчается: элитам, вознесённым к власти в феврале – марте 1917 г., необходимо было отстоять свою «решающую» роль в событиях и продемонстрировать «единение» с народом. И эта установка может иметь весьма отдаленное отношение к реальной истории с её сложными нелинейными взаимозависимостями.

Чем объясняется склонность к мифотворчеству, которой не избежал даже «позитивист» П. Н. Милюков, открывший на старости лет «масонскую» тему? Почему она оказалась востребована ещё в советское время¹⁰? Дело в том, что практически вся современная историография русской революции, как и её «герои», по-прежнему исходит из парадигмы эпохи Просвещения: события 1917 г. представляются продолжением буржуазных революций прошлого. Но почему не вспомнить об эндогенном характере кризисного ритма российской истории¹¹.

Ни одну проблему нельзя решить на том уровне, на котором она возникла. После XX в. стоило бы усвоить, что история вовсе не носит одномерного линейно-поступательного характера. Она скорее *циклична*, что связано с относительной неизменностью человеческой природы (о чём, кстати, писал еще Фукидид). И тяготение к «бесполезной» повторяемости связано с участием в разрушительном процессе «непросвещённых» масс, мыслящих образами утраченного «светлого прошлого».

Прежде всего следовало бы разобраться, что представляла собой Россия, который суждено было «неожиданно» развалиться в феврале 1917 г. И почему нечто подобное повторилось, между прочим, в 1991 г.?

Российскую империю, последним императором которой суждено было стать «несчастному» Николаю II, можно представить как сложноорганизованную – *устойчиво неравновесную* – систему авторитарно-патерналистского типа. Это означает, что её внутренний баланс задавался «головой» – *самодержавной* властью. Такой организм отнюдь не является отнюдь однозначно застойным, хотя изначально он настроен на *самосохранение*, временами допускает «самомодернизацию», но никак не устойчивую инновационность. Такая система способна на *мобилизационные* усилия, особенно в экстремальных обстоятельствах, когда народ вынужден *сам* реагировать на всеобщую угрозу. Со своей стороны, высшая власть может обеспечить *псевдомодернизационный* рывок – разумеется, при на-

¹⁰ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974. С. 4–5.

Yakovlev N. N., *1 avgusta 1914*, М., 1974, S. 4–5

¹¹ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005.

Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I., *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?*, М., 2005.

личии эффективно работающего «приказного» аппарата. Даже в условиях растущей бюрократизации системы возможен спонтанный экономический и модернизационный рост, если социальная среда достаточно пассионарна и деловая инициатива не слишком скована запретами. Однако система всё же остаётся уязвимой перед вызовами извне – не столько геополитическими, сколько *идеологическими*.

Как бы то ни было, Российская империя старалась черпать опыт управления и распознавать грозящие ей опасности в традициях прошлого¹². Это значит, что в условиях Модерна она могла оказаться «слепой» и «глухой». Так и случилось. Это было обусловлено не только качеством управленческого аппарата, но и монаршим его использованием.

По случаю 300-летия Романовых один «церковно-народный» журнал разразился таким панегириком: «Полная, неограниченная власть, единым мановением движущая колоссальные силы величайшей в мире страны, – это действительно нечто в высшей степени прочное и могущественное, способное когда угодно постоять за себя. Преимущество такой неограниченной, сосредоточенной в одной личной воле власти, заключается в том, что она в нужную минуту может сразу мощно проявить себя без колебаний...»¹³. Последние слова смотрятся насмешкой по отношению к личным качествам Николая II.

В России слишком многое связано с личностью правителя. Николай II был поистине роковым человеком, заброшенным судьбой в роковые обстоятельства – не только российские, но и мировые. Невиданный демографический взрыв, спонтанные миграционные процессы, неупорядоченная урбанизация, нарушение гендерного равновесия, глубинный рост ресентиментной напряжённости, всплески терроризма – всё это в условиях невиданной информационной революции подтолкнуло к мировой войне. В России к этому добавилось катастрофичное аграрное перенаселение в центре страны, обернувшееся крестьянской революцией, начавшейся ещё в 1902 г.¹⁴ От иллюзий «соборного» существования не осталось и следа.

Очевидно, что в таких условиях власть должна была опережать вызовы времени, т. е. планировать масштабные инновации, включая раскрепощение творческих сил народа. Николай II поступал с точностью до наоборот. Он ориентировался на якобы стабилизирующий «застой», для иного у него не находилось ни умственных, ни духовных сил, ни волевых качеств.

¹² Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. С. 12.

Etkind A., *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii*, М., 2016, S. 12.

¹³ Слово на трехсотлетнюю годовщину царствования дома Романовых // Воскресный Благовест. 1913. № 8. С. 9.

Slovo na trekhsoletnyuyu godovshchinu tsarstvovaniya doma Romanovykh, Voskresnyi Blagovest, 1913, № 8, S. 9.

¹⁴ См.: Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994; Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996.

Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922, М., 1994; Danilov V. P., *Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.*, Krest'yane i vlast', М., Tambov, 1996.

Всё делалось для сдерживания недоумевающих элит и нетерпеливого народа. В сущности, император отвернулся от реальных проблем России. «Батюшка-царь» жил прошлым, пассивно уповая на «волю Божию». Он внутренне был *готов* к отречению от власти, что и обусловило столь успешный «переворот».

Таким образом, в известной степени повторялась ситуация времен Людовика XIV: Франция была «самым могущественным, эффективным и хорошо организованным государством в Европе», но именно это стало причиной ее революционной гибели. «Классическая структура французского абсолютизма не допускала дополнения и изменений». А поскольку «королю не доставало воли и власти для управления, система перестала функционировать»¹⁵. Монарх блокировал пути реформирования системы и тем самым подписал себе смертный приговор.

В России внутренних механизмов «спасения империи» не оказалась¹⁶. «Казённая» церковь влачила настолько жалкое существование¹⁷, что именно из её среды стали невольно выдвигаться упорные протестанты¹⁸. Духовенству стали противостоять светские «властители дум». В сущности, *вся* русская культура «создала великую сагу политического инакомыслия»¹⁹.

Но так называемая интеллектуальная революция была лишь видимой частью нараставшего системного кризиса²⁰. Империя оказалась во власти экстраординарного роста малых возмущений, симптомы которого наиболее отчётливо обнаружили в годы Первой мировой войны. Слабеющее «самодержавие» могло погубить всё, что угодно, – отсюда и ожидания «заговоров», «дворцовых переворотов», «народных революций». Экстремальные события «переворачивали» и без того перевозбужденное народное созна-

¹⁵ Доусон К. Г. Боги революции. СПб., 2002. С. 135.

Douson K. G., *Bogi revolyutsii*, SPb., 2002, S. 135.

¹⁶ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

Leont'eva T. G., *Vera i progress. Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.*, M., 2002.

¹⁷ См.: Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М., 1984. С. 106–107.

Zyryanov P. N., *Pravoslav'naya tserkov' v bor'be s revolyutsiei 1905 – 1907 gg.*, M., 1984, S. 106–107.

¹⁸ Леонтьева Т. Г. Священник, революция, власть: судьба Андрея Голикова // Долг и судьба историка: сб. ст. памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова. М., 2008.

Leont'eva T. G., *Svyashchennik, revolyutsiya, vlast': sud'ba Andrey'a Golikova, Dolg i sud'ba istorika*, sb. st. pamyati doktora istoricheskikh nauk P. N. Zyryanova, M., 2008.

¹⁹ Эткинд А. Указ. соч. С. 390.

Etkind A., *Op. cit.*, S. 390.

²⁰ Маслов Б. Эволюционизм как проблема революционного сознания // Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. М., 2016. С. 33, 43.

Maslov B., *Evolutsionizm kak problema revolyutsionnogo soznaniya*, Russkaya intellektual'naya revolyutsiya 1910–1930-kh godov, M., 2016, S. 33, 43.

ние: не случайно в 1915 г. «феминизированный» тип волнений распространился на всю империю²¹.

Всякие события, выбивающиеся за пределы известного опыта, парализуют когнитивные возможности даже профессиональных историков. Остаётся надеяться на редкие «подсказки» догадливых современников.

«Революции не было, – писал в дневнике московский литературовед Н. М. Мендельсон, – самодержавие никто не свергал. А было вот что: огромный организм, сверхчеловек, именуемый Россией, заболел каким-то сверхсифилисом. Отгнила голова – говорят: “Мы свергли самодержавие!” Вранье: отгнила голова и отвалилась»²². «Всё сооружение рассыпалось, – отмечал архитектор А. Щусев в письме художнику А. Бенуа, – как-то даже без облака пыли и очень быстро»²³. Самодержавие рухнуло в результате «саморазложения» – прежде всего морального. Даже Ленин удивлялся: «Царская монархия развалилась в несколько дней»²⁴. «Русь слиняла в два дня, – изумлялся В. В. Розанов. – Самое большее – в три»²⁵. Увы, современникам было чему поражаться.

Между прочим, точная дата Февральской революции – всего лишь символ, связанный с *воображаемой* точкой бифуркации. Мартовское отречение царя, трансформировавшееся в массовом сознании в победоносный «переворот», было скорее началом подлинной народной революции. Увы, знаковая сторона явления всегда впечатляет больше. К тому же она предлагает мнемоническую символику – отсюда и нежелание вникнуть в суть происходящего.

Мартовские эмоции не случайно сконцентрировались на фигуре главного виновника – «бывшего царя». Напротив, футуристические интенции «победившего народа» оказались зыбкими: здесь и Учредительное собрание (с неслучайной авторитарной коннотацией – «Хозяин Земли Русской»), и призраки всеобщего блага (с общинно-уравнительной окраской). «Развитая» демократия вообще лишена идеалов внутри самой себя, ибо вдохновляется отрицанием «деспотии». На крутых поворотах истории непременно обнаружатся её слабости. В России тяга к демократии возникла не столько в порядке расширения пространства гражданской свободы,

²¹ Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., 2017. С. 92.

Bezgin V., *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii*, М., 2017, S. 92.

²² Цит. по: Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011. С. 503.

Ruga V., Kokorev A., *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoi mirovoi voiny*, М., Vladimir, 2011, S. 503.

²³ Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 68.

Lapshin V. P., *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu*, М., 1983, С. 68.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.

Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, Т. 31, S. 11.

²⁵ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Сергиев Посад. 1917. № 1. С. 6–7.

RozaNov V. V., *Apokalipsis nashego vremeni*, Sergiev Posad, 1917, № 1, S. 6–7.

сколькo в связи с потребностью в «демократизации» самодержавия. А поскольку такая потребность носила защитный характер, то и средства её реализации оказывались пассивно-подражательными. «... Наши высшие классы, привыкшие жить умственно чуждою жизнью, невольно переносят вычитанные и высмотренные ими европейские идеалы на действительную жизнь, приурочивая их к нашим общественным явлениям, тождественным по названию с европейскими, – названию, данному на основании самой поверхностной аналогии»²⁶, – писал Н. Данилевский. А народ оставался почитателем «понятной» власти, скроенной по принципу «большой семьи». Нужен был всего лишь «хороший» правитель.

В своё время в «покаянном» сборнике «Вехи» (1909) на роль ниспровергателя существующего строя была «назначена» русская интеллигенция. Идея привилась, и этому есть объяснение. Известна характеристика интеллигенции, предложенная Г. Федотовым: сообщество, объединённое «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей»²⁷. Она могла стать лишь ферментом, активизирующим психику и эмоции масс, остающихся для них «чужими». Однако всерьёз вникать в способности интеллигенции, похоже, было некому. Между тем, следовало бы обратить внимание, что особенности взаимоотношений интеллигенции и народа определялись психокультурной атмосферой авторитаризма, неизбежно порождающего образованных, но «лишних» людей. Конструкция самой власти была такова, что она руками интеллигенции принялась пилить сук, на котором сидела.

Некогда Р. Пайпс сравнил русских интеллигентов с французскими «философами», подготовившими революцию²⁸. Это была попытка найти «виновника» по принципу ролевого сходства. Между тем стоило бы заметить, что идеология русской интеллигенции (в отличие от французских мыслителей) носила неорганичный – подражательный – характер, а её политическая оппозиционность была лишена связей с церковной оппозицией. Появление интеллигенции было связано с указом о вольности дворянству, в результате чего в России появились философствующие «бездельники» – феномен П. Я. Чаадаева показателен. В интеллигентской среде не мог не возникнуть соблазн сопоставления Запада и России в контексте «правильного» обустройства последней. А всякое умозрительное занятие заразно. Между тем, как показывает опыт старообрядчества и сектантства, населению России не хватало ортопраксического стержня в его вере.

²⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 289.

Danilevskii N. Ya., *Rossiya i Evropa*, M., 1991, S. 289.

²⁷ Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С. 17.

Fedotov G. P., *Novyi grad*. N'yu-Iork, 1952, S. 17.

²⁸ Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 138–149.

Paips R., *Russkaya revolyutsiya*, M., 1994, Ch. 1, S. 138–149.

В колее российской многопартийности

Основной миф, который и обеспечил крах послефевральских властных инициатив, связан с верой интеллигенции в «спасительность» формальной демократии. И это вполне объяснимо.

Российская история порождает и порождает немало квазиполитических иллюзий, фантазий и симулякров. Значительная часть из них связана с *призраками* демократии, особенно тревожащими воображение россиян в связи с обострением недовольства авторитаризмом. И чем туманнее выглядят демократические идеалы, тем более основательными кажутся их внешние атрибуты. Одним из последних является политическая многопартийность.

Само понятие «многопартийность» выглядит семантическим уродцем, боязливо противостоящим однопартийности. Всякая партийность предполагает множественность своего конкретного воплощения. Представление об идеале многопартийности не случайно возникло в советские годы в качестве антитезы псевдо/политической моносубъектности в лице КПСС. Однако в России – прошлой и современной – многопартийность порой казалась синонимом демократии и атрибутом «правильного» государственного устройства. На деле она была отражением развала прежних принципов авторитарно-патерналистского существования.

Самый термин «*полития*» этимологически связан с *полисом*, т. е. городской средой, попускающей *дискретное* многообразие культур. Таким образом, собственно политическая культура по определению противостоит *синкретизму* крестьянских миропредставлений. А поскольку ко времени «расцвета» российской многопартийности – более ста лет назад – большинство населения России проживало в деревне, термин в данном случае «*политика*» оказывался скорее подражательным. А в нашей склонности к культивированию химер собственного воображения трудно усомниться.

Свободу имитировать нельзя. Между тем имитации свободы не могут не зародиться в социальной среде, остающейся несвободной. К тому же, помимо патерналистских иллюзий, российская «просвещённая» государственность навязывала закрепощаемому и закрепощённому населению колониальный тип восприятия власти²⁹. Порабощаемое человеческое существо вынуждено сдобривать своё существование иллюзиями, прежде всего иллюзиями свободы от любых стеснений. Известно, что «люди никогда не пользуются свободой, которая у них есть, но требуют той, которой у них нет» (С. Кьеркегор). Иногда это оборачивалось бунтом – «беспощадным», но далеко не «бессмысленным». Феномен российской многопартийности имел скорее социально-психологическое, нежели политико-практическое наполнение, исходящее из отношений собственности. Партии в России были опасны не только своими левыми или даже правыми крайностями, а тем, что составляли *in corpore* «подстрекательскую» среду.

²⁹ Эткнд А. Указ. соч. С. 387–389.
Etkind A., *Op. cit.*, S. 387–389.

Между тем создание *образа* российской многопартийности происходило по канонам сочинительства истории КПСС: только большевизм смог победить своих «буржуазных» и «мелкобуржуазных» противников. Со временем, однако, симпатии стали перемещаться вправо. А в наше время многопартийность стала предметом скорее политологии, нежели истории. Сегодня можно констатировать, что эфемерная история партий-симулякров вновь стала заслонять собой историческую реальность.

Между прочим, в прошлом партийные лидеры в большей или меньшей степени сознавали, что общего языка с традиционалистским большинством населения у них нет, а потому очередная российская смута может смести их вместе с их «научно обоснованными» программами. Об этом не задумывались разве что последователи Ленина да анархисты, убежденные, что способны перенаправить народное возмущение в нужном направлении. Историю российской многопартийности стоило бы переписать соответственно спектру *интеллигентской* нетерпимости и одержимости. Подобная многопартийность, связанная с негативной мобилизацией, без образа общего врага могла легко обернуться вакханалией самоуничтожения.

И всё же стандартное сравнение русской интеллигенции с французскими «философами», подготовившими революцию, сомнительно. Французы стремились «раздавить гадину» (прежде всего церковь, а затем абсолютизм) и не знали колебаний в насильственном утверждении прав гражданина. Российские интеллигенты к официальной церкви были равнодушны, а гражданственность порой понимали в сословно-патерналистском духе. Французские революционеры исходили из «диктатуры разума», их российские последователи мешали ее с нравственным идеалом. Как результат, эмоционально несдержанные социальные отщепенцы и диссипативные элементы не смогли стать профессионалами даже в революции. Известная «властебоязнь» партийных лидеров в 1917 г. и превращение их в «партию ИИ» (испуганных интеллигентов) – явление не случайное. За ним таился мазохистский страх жертв патернализма перед перспективой собственного участия в насилии от лица власти.

В связи с этим вырос и развенчивался миф революционного «вождя» – Керенского. Этому отголоску авторитаризма суждено было лопнуть, подобно мыльному пузырю, в хаосе неуправляемых людских эмоций. «Что касается А. Ф. Керенского, то речь, произнесенная им при открытии Предпарламента, напоминает, как и все его речи, игру Сары Бернар, – отмечал Г. В. Плеханов, отнюдь не являвшийся его политическим противником. – Эта актриса обладала голосом, в котором слушалась большая нервность, и который поэтому довольно сильно волновал ее слушателей. Но, как совершенно справедливо заметил И.С. Тургенев, в нервности голоса и состоял весь талант знаменитой Сары, так как настоящей художественности не было в ее игре. То же и с А. Ф. Керенским»³⁰. В глазах З.Н. Гиппиус, участво-

³⁰ Цит. по: *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 145–146.
Startsev V. I., *Krah kerenshchiny*, L., 1982, S. 145–146.

вавшей в свое время в создании культа Керенского, он превратился в «бабского революционера», «безвольника»: «Фатальный человек. Глупый... герой. Мужественный... предатель»³¹. Позднее газета московских прогрессистов писала, что «за шумом этой волны презрительного осмеяния... слышатся уже отдаленные раскаты гнева...»³².

Авторитарно-патерналистская система всегда «избыточно» эмоциональна по причине инфантильной недоразвитости общественного сознания, которому недостает «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас). Именно на такой зыбкой основе и складывался своеобразный этический антипод имперскому «всевластью». Отсюда жаркие споры славянофилов и западников, до сих пор будоражащие «политическую» жизнь России. Все интеллигентские партии в большей или меньшей степени оказывались утопичными в самых своих основаниях.

Российская многопартийность никогда не была национально-консолидирующим, конструктивно-динамичным целым. Зато этот впечатляющий «пустоцвет» готовился провоцировать смуту. Не случайно партии в России возникали «слева направо» – от социалистов к монархистам. В основе появления большинства из них лежали ресентиментные интенции, вызываемые ощущением тотальной несвободы и/или аккумуляцией «иррационального» недовольства. Показательно, что ранее общероссийских левых партий возникали местные «национальные» (обычно также социалистические по названию) партии³³. Партии *in corpore* словно демонстрировали (или предвосхищали) возможные пути будущего развала империи, а не консолидации оппозиции в связи с формированием гражданского общества. Такая многопартийность в качестве источника демократии и парламентаризма оказывалась мертворожденной – прежде всего в силу её генетических изъянов.

Марксистский компонент интеллигентских верований смотрелся в крестьянской стране наиболее противоестественно. Впрочем, все партии в концентрированном виде отражали набор интеллигентских утопий, доктринального прекраснотушия или сектантской оголтелости, а отнюдь не явля-

³¹ Цит. по: Колоницкий Б. И. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 г. // Межвуз. Науч. конф. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докл. Санкт-Петербург, 6 ноября 2012 г. СПб., 2013. С. 96, 97.

Kolonitskii B. I., *Feminizatsiya obraza A. F. Kerenskogo i politicheskaya izolyatsiya Vremennogo pravitel'stva osen'yu 1917 g.*, Mezhevuz. Nauch. konf. «Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii», sb. dokl., Sankt-Peterburg, 6 noyabrya 2012 g., SPb., 2013, S. 96, 97.

³² Утро России. 1917. 14 окт.

Utro Rossii, 1917, 14 oktyabrya.

³³ Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 10–11.

Shelokhaev V. V., *Fenomen mnogopartiinosti v Rossii*, Krainosti istorii i krainosti istorikov, M., 1997, S. 10–11.

лись прагматичным оформлением интересов тех или иных социумов³⁴. Не случайно среди партийных функционеров оказалось столь большое количество «поповичей» – выходцев из священнической среды³⁵. Закономерно, что такая партийно-политическая структура бесплодно «сжималась» в «спокойные» времена и нервно активизировалась в периоды нестабильности.

Все это связано с действием «незримого» фактора – размытостью отношений собственности. Между тем в Европе именно частная собственность исторически выступала стимулятором и гарантом прогресса личной свободы. Увы, Россия не наследовала принципов римского права, не прониклась духом кодекса Наполеона, народ привык к переделам собственности, практикуемым властью, и даже либералы в лице кадетов допускали принудительное отчуждение частновладельческих земель. Стоит ли удивляться, что левые партии склонялись то ли к общинно-анархистскому (эсеры), то ли к этатистскому (большевики) отношению к собственности – этот парадокс драматически сказался на судьбах русской революции.

Многопартийность до известной степени отвечала послефевральскому всплеску народной смеховой культуры. Но в дальнейшем, особенно в связи с неспособностью демократии «накормить народ», она – в лице «правящих» партий – стала смотреться как нечто неуместное. Отсюда неуклонное дробление и всей многопартийности, и отдельных партий, и стремление проводить правую политику под левыми лозунгами. Политики поистине блуждали в потемках. В известном смысле это было продолжением «псевдоморфности» российского исторического развития, связанного со стремлением элит соответствовать европейским «стандартам», с одной стороны, упорным отстаиванием массами патерналистского типа политической культуры – с другой³⁶.

Механизм втягивания в партии левого и, особенно, крайне правого спектра имел отличительную особенность: личности диссипативного склада активно вовлекали в «партийную» деятельность всевозможных маргиналов, те, в свою очередь, возбуждали городской охлос. При этом револю-

³⁴ См.: Леонтьева Т. Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996.

Leont'eva T. G., *Vera ili svoboda? Popy i liberaly v glazakh krest'yan v nachale KhKh veka (na materialakh Tverskoi gubernii)*, Revolyutsiya i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt, M., 1996.

³⁵ Леонтьева Т. Г. Поповичи: нравы бирсы пореформенной России // Родина. 2000. № 7. С. 49–53; *Её же*. Вера и бунт. Духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.

Leont'eva T. G., *Popovichi: nraavy bursy poreformennoi Rossii*, Rodina, 2000, № 7, S. 49–53; Leont'eva T. G., *Vera i bunt. Dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii v nachale XX veka*, Voprosy istorii, 2001, № 1, S. 29–43.

³⁶ Королёв С. А. Псевдоморфофа как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.

Korolev S. A., *Psevdomorfoza kak tip razvitiya: sluchai Rossii*, Filosofiya i kul'tura, 2009, № 6, S. 72–85.

ционеры чаще использовали гиперболизирующие характеристики и фантазийные образы, а контрреволюционеры обычно прибегали к использованию шокирующих (чаще пугающих) метафор. Так находила выход «энергия отрицания», тот самый «ресентимент», о котором писал ещё Ф. Ницше. Выстроить в этих условиях конструктивно действующую демократию было затруднительно.

Известный философ Ф. А. Степун, считал, что, не будь мировой войны, «пригоршня беспочвенных идей, брошенных на вспаханную войной землю кучкою “беспочвенных интеллигентов”, не могла бы дать тех всходов... от которых содрогается мир»³⁷. Российскую многопартийность, как и империю в целом, взорвала Первая мировая война. «Невероятность» происходящего заставила подданных империи почувствовать себя брошенными пасынками; это, в свою очередь, породило потребность в «спасительных» утопиях. Политики надеялись на «силу разума», им ответила вся мощь «невежественной» традиции.

Крушение Романовых произошло без непосредственного участия партийных верхов, включая самых левых. Российский авторитаризм имеет обыкновение то ли самопожираться, то ли истощать самого себя. Но воспользоваться плодами его самоаннигиляции смогли в наибольшей степени именно левые – наиболее «утопичные» – партии. Вслед за тем российская партийно-политическая система стала неуклонно отчуждаться от вздыбившейся политической культуры народа.

Казалось бы, после свержения царизма должны были получить преимущество либералы – тем более что умеренные социалисты намеренно отдали им первенство во Временном правительстве. Но «интеллигентные» кадеты на роль партии власти не годились. В сущности, настоящую историю русского либерализма написала в своих дневниках А. В. Тыркова, иронично именуемая «единственным мужчиной в кадетском ЦК». Верхи кадетского руководства теперь вели себя так, словно «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «неволью спрашивали друг друга – надолго ли это?». При этом они не без оснований сетовали: «Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре»³⁸. Российские политики, вжившись в роль «системной оппозиции», уже не способны действовать самостоятельно. Поэтому все современные сочинения о конструктивном «опыте» российской демократии остаются по преимуществу пустыми политически-конъюнктурными декламациями.

Народная утопия в России находила только две формы практического переложения: смирение и бунт. И на что был способен в связи с этим П. Н. Милюков, которого называли «фанатиком, влюблённым в собствен-

³⁷ Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 228.

Stepun F. A., *Mysli o Rossii*, Novyi mir, 1991, № 6, S. 228.

³⁸ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 181, 178.

Nasledie Ariadny Vladimirovny Tyrkovoï. Dnevniky. Pis'ma, М., 2012, S. 181, 178.

ный ум». Чего могла достичь «профессорская» партия, члены которой были «уверены, что они лучше знают, что нужно народу, чем он сам»³⁹? Либералы невольно провоцировали новую волну революционной сумятицы. В этом они мало отличались от царского правительства.

Современные исследователи, похоже, тяготеют к иной интерпретации провала партийной политики: трагедия Милюкова состояла в том, что «он как бы оказался без адекватной среды его восприятия»⁴⁰. Вероятно, это следует понимать как признание того, что русский либерализм оказался «слишком хорош» для России. Думается, что уместнее исходить из противоположного: произошло драматическое, но вполне предсказуемое отчуждение всей «здравомыслящей» интеллигенции от хаотичной действительности. Партии усугубляли социально-информационный хаос, который для людей традиционной культуры *sui generis* непереносим.

Потёмкинские деревни российской демократии

В мифах и заблуждениях революции сыграла свою роль и нерассуждающая вера интеллигенции в демократические институты. Она также имела глубинные основания. Решающее значение, возможно, приобрела «юридическая революция» – российские либералы стали противодействовать царскому (самодержавному в своей основе) режиму на основании *его собственных* законов. Нечто подобное случилось в своё время во Франции: «Ancien régime был уничтожен юристами, обязанными своим существованием его [королевской] власти, а своим богатством – его злоупотреблениям»⁴¹. Конечно, российские юристы не владели сколь-либо политически значимым богатством. Но они обладали куда более мощным оружием – общественным влиянием. Не случайно фигура помощника присяжного поверенного – адвоката – стала столь обычной для российского дореволюционного политического ландшафта.

Отличие от Европы Россия не знала разделения власти на светскую и духовную – это само по себе препятствовало формированию области собственно *политического*. Политика обычно подменялась серией эмоциональных реакций и укоренившихся настроений на действия сменяющихся правителей. На этой основе сформировалась социологически трудноуловимая структура *общественности*, её «морального» (в значительной степени литературного, т. е. образно-доходчивого) влияния.

Российская история не знала дисциплинирующего насилия в лице Инквизиции – процесс форматирования социальной среды бесконечно затянулся. Отсутствие в российской средневековой культуре университетов с

³⁹ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 13–14.

Tolstoi I. I., *Dnevnik. 1906–1916*, SPb., 1997, S. 13–14.

⁴⁰ Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 262.

Shelokhaev V. V., *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii*, M., 1996, S. 262.

⁴¹ Доусон К. Г. Указ. соч. С. 136.

Douson K. G., *Op. cit.*, S. 136.

их неперенной латынью также препятствовало формированию сферы *логического*, сдерживающего эмоциональные выплески. «Обделена» была Россия и дисциплинирующей сознание школой средневековой схоластики – отсюда запоздалое следование «непререкаемым» принципам и авторитетам. Можно вспомнить и о том, что в отличие от европейца россиянин, отчуждённый от традиций римского права, не умел мыслить категориями формального закона, предпочитая эмоциональные максимы справедливости и правды. Попросту говоря, *homo rossicus* не был отформатирован для демократии европейского типа – того «идеала», к которому стремились политики типа Милюкова. Подданный «абсолютной» власти не мог усвоить условного – в онтологическом смысле – её характера. Отсюда и постоянная подмена политического «расчета» эмоциональными, в том числе и спонтанными, реакциями.

Вместе с тем, послефевральская власть только и делала, что пыталась скрыть своё управленческое бессилие за всё новыми и новыми институтами. Иные из них приобретали характер «общественно-государственных». В этом смысле особенно показателен созыв I Всероссийского съезда Советов, призванного подпереть коалиционную власть и морально оправдать начало наступления на фронте. Все это было самоубийственно: политики не могли договориться в силу доктринального противостояния – одни «за капитализм», другие «за социализм», одни «за войну до победного конца», другие «за мир без аннексий и контрибуцией». Закономерный итог войны фантазий – провал наступления на фронте.

Не найдя опоры слева, Временное правительство попыталось заручиться поддержкой справа. Но ни всевозможные «частные» совещания правой общественности, ни, тем более, московское Государственное совещание не обеспечили консолидации общественных сил. Видимый результат – корниловский «мятеж», окончательно расчистивший дорогу большевикам и вызвавший «большевизацию» петроградского и московского Советов.

Вслед за тем государственным утопистам пришлось сделать следующий бесполезный шаг – попытаться противопоставить большевикам мнение так называемого Демократического совещания. Но у того, в сущности, даже не оказалось своего голоса – левые силы разошлись в своих «политико-мифических» представлениях, что сразу же высмеял Ленин⁴². Тем не менее гонка несбыточных надежд продолжилась: был создан Временный Совет Российской республики, тут же получивший ироничное обиходное название – Предпарламент (кое-кто переименовал его в «предбанник»). Спрашивается, кому и почему понадобилось создание этого безвластного института накануне выборов в Учредительное собрание? Кого могла затронуть речь А. Ф. Керенского, достойная, по словам, приписываемым Г. В. Плеханову («отцу русского марксизма»), «какой-нибудь Сары Бернар из Царевококшайска». «Керенский – это девица, которая в первую брачную

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 248–249, 297–298.
Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, Т. 34, S. 248–249, 297–298.

ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться!»⁴³ – ехидничал Плеханов. К тому же дискуссии в этом бесполезном органе тяготели к осознанию необходимости скорейшей передачи земли крестьянам и признанию, что Россия продолжать войну не может – того, на чем давно настаивали большевики.

Наиболее проницательные западные историки давно оценили псевдополитическую ситуацию 1917 г. как своеобразное состязание утопий или «трагедию конкурирующих невозможностей»⁴⁴. Политики 1917 г. не могли этого разглядеть. Но почему это до сих пор неясно поклонникам российской демократии?

Так или иначе пришлось сочинять легенду о «незаконном» захвате власти большевиками. Отсюда было недалеко до мифа о «заговоре» Ленина и Троцкого. Парадоксально, но на деле большевистские верхи накануне «восстания» не могли договориться между собой. А в общем, они пришли «на готовое», подобно тому, как Временное правительство оказалось на вершине власти на волне фактического безвластия.

Думать, что в революционной стихии кто-то способен манипулировать «слепыми» массами, всё равно, что допустить, что хвост способен влиять собакой. То, что интеллигенция самоубийственно провоцировала большевистскую «революцию», не подлежит сомнению. И потому все попытки рассматривать историю революции только сквозь призму разрушения «правильного» партийно-электорального процесса относятся к области социологического усердия, лишённого исторического разума. В 1917 г. продолжился процесс *саморазрушения* негодной – слабой – власти, от которой отвернулись массы.

Приходу большевиков помогли некоторые характерные инвективы в их адрес. Все тогдашние сатирические журналы упорно поносили их. Это создавало им имидж «сплочённой», «монолитной», «заговорщической» партии. На таком фоне слухи о связях Ленина с германским Генеральным штабом лишь добавляли в общество новые партии страхов, с которыми власть справиться уже не могла.

После июльских событий, упорно приписываемых так и не доказанному «заговорществу» большевиков (это был скорее бунт солдат, не желавших отправляться на фронт), последовали новые волны слухов о выступлениях сторонников Ленина. Последний, сбежав от Временного правительства, действительно убеждал своих растерянных соратников в необходимости взять власть. Это не помогало. Образ «всевидающего» Ленина

⁴³ Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 2: Россия во Франции. С. 96.

Gul' R. B., *Ya unes Rossiyu: Apologiya emigratsii*, M., 2001, T. 2, Rossiya vo Frantsii, S. 96.

⁴⁴ Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб., 2014. С. 48.

Kriticheskiy slovar' Russkoi revolyutsii: 1914–1921, sost. E. Akton, U. G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev, SPb., 2014, S. 48.

словно вырастал *изнутри* русской культуры, хотя сам он питался по преимуществу химерами «сверхреволюционного» воображения. А низовые большевики действовали отнюдь не по указке Ленина, а по инстинкту – так, как им подсказывала людская молва – этот неуловимый двигатель синергетики русского хаоса. О каждом новом «сюрпризе», подготовляемом большевиками, все вроде бы знали. Это было что-то вроде хроники заранее объявленной революции. «Где Ленин? – задавалась вопросом газета, позиционирующая себя “демократической”. – Выехал в Швейцарию через Германию – своим обычным путем». И тут же приводился слух о том, что «большевики готовят новое выступление»⁴⁵. «... Главнейшим возбудителем драмы я считаю не “ленинцев”, не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а – более злого, более сильного врага – тяжкую российскую глупость», – утверждал М. Горький, добавляя к этой характеристике «некультурность, отсутствие исторического чутья»⁴⁶.

Параллельно нарастала конспирологическая тема, причём не только связанная с большевиками. В последней декаде августа 1917 г. в ряде провинциальных городов обсуждались слухи о раскрытии в Петрограде тайной контрреволюционной организации, возглавлявшейся великими князьями Михаилом и Павлом Александровичами и их супругами, нити которой, якобы, опутали всю Россию и вели к правым партиям⁴⁷. В сущности «заговор Корнилова» был создан именно слухами – в том числе о готовящемся выступлении большевиков⁴⁸. К этому добавились не менее пугающие известия о немецком наступлении. В Одессе, к примеру, 25 июля 1917 г. заговорили, что немцами «взят Очаков» и предстоит «эвакуация Одессы». А через месяц здесь же утверждали, что «Рига взята немцами»⁴⁹. Не удивительно, что в октябре в сатирическом журнале высмеивали обывателей, которые поверили слуху о том, что правительство переедет в Москву, как только немцы возьмут Ревель⁵⁰. Теперь верили услышанному, а не написанному. Создалась обстановка, в которой после «восстания масс» стало неизбежным «бегство от свободы».

⁴⁵ Газета для всех. Демократическая газета (Москва). 1917. 28 июля. С. 2.
Gazeta dlya vsehkh. Demokratsicheskaya gazeta (Moskva), 1917, 28 iyulya, S. 2.

⁴⁶ Горький М. Несвоевременные мысли. М. 1990. С. 69.

Gor'kii M., *Nesvoevremennye mysli*, M. 1990, S. 69.

⁴⁷ Сибирская жизнь. 1917. 26 августа; Саратовский листок. 1917. 25 августа.
Sibirskaya zhizn', 1917, 26 avgusta; Saratovskii listok, 1917, 25 avgusta.

⁴⁸ Блок А. А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 160.

Block A. A., *Poslednie dni Imperatorskoi vlasti*, M., 2012, S. 160.

⁴⁹ Лакиер Е. И. Отрывки из дневника – 1917 – 1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 144.

Lakier E. I., *Otryvki iz dnevnika – 1917 – 1920*, «Preterpevshii do kontsa spasen budet»: zhenskie ispovedal'nye teksty o revolyutsii i grazhdanskoi voine v Rossii, SPb., 2013, S. 144.

⁵⁰ Будильник. 1917. № 35. Октябрь. С. 9.

Budil'nik, 1917, № 35, oktyabr', S. 9.

Одиночество «победителей демократии»

Большевизм в своем конечном варианте явился русским порождением европейского катаклизма. Конечно, он не мог быть политической партией в привычном смысле слова, т. к. исходил непосредственно из утопии мировой революции, к которой были искусственно привязаны внутрисоветские проблемы. Идейная одержимость Ленина была изоморфна народной вере в спасение от тягот войны. И он, и его последователи верили в то, что пытались внушить, куда больше самих внушаемых. Они были «партией веры», а не политики.

Разумеется, Ленин не раз заявлял, что следует рассчитывать «только на сознательность масс» и на их «сознательный авангард»⁵¹. Но он же публично взывал: «Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу»⁵². Последняя – плод марксистского наукообразия – предлагалась как нечто сакральное, не подлежащее сомнению. К этому добавлялась склонность к тавтологии, что в известных условиях приобретает «магический» характер – становится выражением телеологической непреложности движения к идеалу. С другой стороны, Ленин призывал «довериться революционным организациям масс», «внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы», «предоставить полную свободу творчества народным массам», поскольку «Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею»⁵³. Получалось, что «научной» доктрине предстояло слиться с утопией и бунтарством – этот «парадокс» революционного времени должен был принести успех. Ничего похожего противники большевизма, рассчитывающие на «спасение» в Учредительном собрании, предложить не смогли.

Большевики не стремились возобладать количественно – ставка делалась, с одной стороны, на внутреннюю сплочённость, с другой – на способность воздействовать на широкие массы. И здесь, благодаря обещаниям наиболее быстро и радикально решить вопрос о войне и мире, они смогли опереться на наиболее активную часть общества – солдат, преобладающую часть которых составляли бывшие крестьяне. Конечно, все это не могло привести к электоральному успеху. Но этого и не требовалось, учитывая воздействие на массы со стороны всевозможных максималистов и анархистов – вольных и невольных пособников большевиков. Это и позволило последним не только продержаться во власти до Учредительного собрания, но и легко упразднить его, а равно своих попутчиков насильственным путем.

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 105, 147, 328, 345, 351, 362, 378–380, 382, 426; Т. 34. С. 218, 244, 258, 316, 415; Т. 35. С. 147.

Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, Т. 31, С. 105, 147, 328, 345, 351, 362, 378–380, 382, 426; Т. 34, С. 218, 244, 258, 316, 415; Т. 35, С. 147.

⁵² Там же. Т. 32. С. 267.

Ibid, Т. 32 С. 267.

⁵³ Там же. Т. 34. С. 204, 300, 316; Т. 35. С. 27, 43, 57, 88, 139, 146, 266; Т. 37. С. 21, 77.

Ibid, Т. 34, С. 204, 300, 316; Т. 35, С. 27, 43, 57, 88, 139, 146, 266; Т. 37, С. 21, 77.

Сегодня мы не знаем доподлинно, как мыслили и чувствовали люди отдаленных эпох. Мы не понимаем, как это происходит у представителей иных культур. Мы затрудняемся в понимании «чуждых» этносов. Но мы почему-то уверены, что сто лет назад россияне думали и действовали так же, как и мы сегодня. Слов нет – менталитет меняется медленно, если меняется вообще. Но как быть с *психоментальными* девиациями переломных эпох? Может быть, не стоит тешить себя мифами прошлого в угоду мифам современности?

Вероятно, наиболее стойкий (он же самый наукообразный) миф связан с представлением о триумфальном движении предреволюционной России от традиции к Модерну. Понятно, что он связан с уязвленной революцией национальной гордостью, реанимировавшей так называемые ретроспективные утопии. Не удивительно, что всё это подпирается многочисленными статистическими – естественно, «усреднёнными» – данными. Нынешнему обывателю навязывается логика коммунистических партбюрократов, гордящихся ростом валовых показателей «от съезда к съезду». При этом трудно не впасть в соблазн «подправить» статистику – тем более, что в многотомных фолиантах это не особенно заметно.

Между тем к осени 1917 г. российское население разочаровалось в «политике»; всё более преобладали неуправляемые *бунтарские* действия, очаговый характер которых не исключал агрегированного неприятия «демократии», навязываемой доктринерами. А потому не стоит реанимировать старые мифы, выдавая их за новые «открытия». Надо научиться беспристрастно вглядываться в лицо революционной действительности. И тогда станет ясно, что перед революцией Россия словно *застряла*, а в 1917 г. в полном смысле *разорвалась* между традицией и Модерном.

Согласно антикоммунистической мифологии, большевики, насильственно захватив власть, сразу же установили тоталитарный режим. Вообще-то такое невозможно: для этого не хватит ни людей, ни сил, ни опыта управления. И совсем уже непонятно, почему за полгода «кровавой диктатуры» увидело свет такое количество антибольшевистских изданий – «насильников» постоянно выщучивали. Писали, к примеру, что в Большом театре случился скандал в связи с тем, что в царской ложе появились представители советской власти – были задержаны 9 человек⁵⁴. Сообщалось также, что «настроение заводских масс угнетенное»⁵⁵, что вполне соответствовало действительности. А в провинциальной прессе публиковались «правдивые» сообщения (по данным на 1 марта 1918 г.) о том, что «гер-

⁵⁴ Власть народа (Москва). Газета демократическая и социалистическая. 1918. 28 (15) марта. С. 3.

Vlast' naroda (Moskva). Gazeta demokraticeskaya i sotsialisticheskaya, 1918, 28 (15) marta, S. 3.

⁵⁵ Терский казак (Владикавказ). Газета политическая, общественно-литературная и экономическая Терского казачьего войска. 1918. 18 мая.

Terskii kazak (Vladikavkaz). Gazeta politicheskaya, obshchestvenno-literaturnaya i ekonomicheskaya Terskogo kazach'ego voiska, 1918, 18 maya.

манские разъезды» замечены «в 3 верстах от станции Бологое»⁵⁶. Впрочем, иные московские обыватели тешили себя слухами, что немцы уже заняли Смоленск и Бологое, а до Петрограда доберутся через 48 часов. Некоторых это уже не пугало: «... он, немец-то, и прежде все равно нами владел», теперь же успел арестовать «тридцать главных евреев». Невозможно было понять, констатировал И. Бунин, то ли большевики привели немцев, то ли немцы пришли, чтобы следить за большевиками⁵⁷.

Тем временем в большевистской прессе всякий слухок о самой отдалённой контрреволюции моментально гипертрофировался. Соответствующая информация тут же разлеталась по всей России. Так, фигуры атаманов А. И. Дутова и Г. М. Семенова, отдалённых тысячами километров от «пролетарских» столиц, не сходили со страниц большевистской печати. И новых властителей, и их недоумевающих подданных накрыла очередная волна первобытных страхов.

Историю можно представить как коловращение мифов. Может показаться, что мы только и делаем, что выбираем подходящие нам в нужный момент способы самообольщения. Конечно, без этого человек не проживёт. Но не только мы сами выбираем мифы – мифы «выбирают» нас в силу нашего когнитивного несовершенства.

Совершенно очевидно, что изживание мифа связано с его истощением. Он может даже найти свою смерть в ироничном анекдоте о самом себе. Однако чаще следует ожидать вытеснения его новым мифом – возможно, ещё более нелепым и агрессивным. И единственным противоядием от подобного мифотворчества остаётся «беспощадная» наука истории, которую нельзя путать с «благонамеренной», но наивной «клиотерапией».

Возможно, для понимания фантомов и фантазмов русской революции в нашем столь же «непрозрачном» мире⁵⁸ требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»⁵⁹. Маркс, как известно, видел в революции локомотив прогресса. В это верил и Ленин. Однако весь XX в. заставил задуматься о другом. Сегодня уместнее считать, что революция – это своего рода тормоз для утопических и, тем более, политико-технологических «модернизаций», не желающих считаться с «несовершенством» человеческой природы. Ибо «природа» непременно отомстит. Хотя и в этом ей может помочь новый миф.

⁵⁶ Воронежский телеграф. 1918. 8 марта (18 февраля). С. 3.

Voronezhskii telegraf, 1918, 8 marta (18 fevralya), S. 3.

⁵⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 11, 14–15, 30, 31.

Bunin I. A., *Okaennye dni*, M., 1990, S. 11, 14–15, 30, 31.

⁵⁸ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 11, 18.

Zhizhek S., *13 opytov o Lenine*, M., 2003, S. 11, 18.

⁵⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

Khabermas Yu., *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsii*, M., 2008, S. 296.

Список литературы:

1. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.
2. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М.: Три квадрата, 2003. – 253 с.
3. Безгин В. Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М., Ломоносовъ, 2017. 248 с.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
5. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М.: Наука, 1984. – 226 с.
6. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: НОУ ВПО Сибирская академия управления и массовых коммуникаций, 2015. – 255 с.
7. Колоницкий Б. И. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 г. // Межвуз. науч. конф. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сб. докл. Санкт-Петербург. 6 ноября 2012 г. СПб., 2013.
8. Лапишин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Советский художник, 1983. – 496 с.
9. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. – 255 с.
10. Леонтьева Т. Г. Священник, революция, власть: судьба Андрея Голикова // Долг и судьба историка: сб. ст. памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова. М., 2008.
11. Леонтьева Т. Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996.
12. Леонтьева Т. Г. Поповичи: нравы бурсы пореформенной России // Родина. 2000. № 7. С. 49–53.
13. Леонтьева Т. Г. Вера и бунт. Духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
14. Никонов В. А. Крушение России. 1917. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 926 с.
15. Пайпс Р. Русская революция: в 3 т. / пер. с англ. Н. И. Кигай, М. Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1994. Т. 1: Агония старого режима / пер. с англ. М. Д. Тименчика; ред. Л. С. Еремина. – 400 с.
16. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир: АСТ: Астрель, 2011. – 678 с.
17. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М.: Скрипторий, 1996. – 263 с.
18. Старцев В. И. Крах керенщины. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1982. – 272 с.

19. Федотов Г. П. Новый град. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. – 380 с.
20. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
21. Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М.: РОССПЭН, 1996. – 280 с.
22. Шелохаев В. В. Феномен многопартийности в России // Крайности истории и крайности историков: сб. ст. к 60-летию профессора А. П. Ненарокова. М.: РНИСиНП, 1997. – 280 с.
23. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 448 с.
24. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914: 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1974. – 240 с.
25. Kosellek R. Historische Kriterien des neuzeitlichen Revolutionsbegriffs // Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1977.

THE REVOLUTION OF 1917: THE MYTHS THAT WE CHOOSE

V. P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History,
Moscow, Russia

The author shows that every revolution is associated with a particular set of mythological representations of the past and the future. In turn, it gives rise to a new wave of myth-making. In the view of the overwhelming majority of the population of Russia Nicholas II's regime was not viable. It provided such a rapid deliverance from it. The new government, for its part, was inspired by the myths of the saving role of the western type of democracy and the multiparty system. These hopes have failed. The Russian democracy was won by all kinds of rumors related to the lack of mass understanding of the political culture of the Western model. In these circumstances, the victory was for the Bolsheviks, whose faith in the Marxist outlook merged with the people's trust in the "miracle." Such kind views turned to the new utopia.

Keywords: Russian revolution, myth, rumor, multi-party democracy, Bolshevism.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская Академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19); почётный профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

About the authors:

BULDAKOV Vladimir Prokchorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19); The Doctor of History, The Honorary Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kuroneko@list.ru

References

- Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I., *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?*, M., Novoe izdatel'stvo, 2005. – 708 s.
- Airapetov O.R., *Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu. 1907–1917*, M., Tri kvadrata, 2003. – 253 s.
- Bezgin V., *Povsednevnyi mir russkoi krest'yanki perioda pozdnei imperii*, M., Lomonosov, 2017. 248 s.
- Zhizhek S., *Vozvyshennyi ob"ekt ideologii*, M., Khudozhestvennyi zhurnal, 1999. – 234 s
- Zyryanov P. N., *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiei 1905 – 1907 gg.*, M., Nauka, 1984. – 226 s.
- Kozodoi V. I., *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya*, Novosibirsk, NOU VPO Sibirskaya akademiya upravleniya i massovykh kommunikatsii, 2015. – 255 s.
- Kolonitskii B. I., *Feminizatsiya obraza A. F. Kerenskogo i politicheskaya izolyatsiya Vremennogo pravitel'stva osen'yu 1917 g.*, Mezhhvuz. nauch. konf. «Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii», sb. dokl., Sankt-Peterburg. 6 noyabrya 2012 g., SPb., 2013.
- Lapshin V. P., *Khudozhestvennaya zhizn' Moskvy i Petrograda v 1917 godu*, M., Sovetskii khudozhnik, 1983. – 496 s.
- Leont'eva T. G., *Vera i progress. Pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.*, M., Novyi khronograf, 2002. – 255 s.
- Leont'eva T. G., *Svyashchennik, revolyutsiya, vlast': sud'ba Andrey Goli-kova, Dolg i sud'ba istorika*, sb. st. pamyati doktora istoricheskikh nauk P. N. Zyryanova. M., 2008.
- Leont'eva T. G., *Vera ili svoboda? Popy i liberaly v glazakh krest'yan v nachale XX veka (na materialakh Tverskoi gubernii)*, Revolyutsiya i chelovek: sotsial'nopsikhologicheskii aspekt, M., IRI RAN, 1996.
- Leont'eva T. G., *Popovichi: nnavy bursy poreformennoi Rossii*, Rodina, 2000, № 7, S. 49–53.
- Leont'eva T. G., *Vera i bunt. Dukhovenstvo v revolyutsionnom obshchestve Rossii v nachale XX veka*, Voprosy istorii, 2001, № 1, S. 29–43.
- Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, M., AST: Astrel', 2011. – 926 s.

- Paips R., *Russkaya revolyutsiya*, v 3 t., per. s angl. N. I. Kigai, M. D. Timenchika, M., ROSSPEN, 1994, T. 1, Agoniya starogo rezhima, per. s angl. M. D. Timenchika. red. L. S. Eremina. – 400 s.
- Ruga V., Kokorev A., *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoi mirovoi voiny*, M., Vladimir, AST: Astrel', 2011. – 678 s.
- Senin A. S., *Aleksandr Ivanovich Guchkov*, M., Skriptorii, 1996. – 263 s.
- Startsev V. I., *Krakh kerenshchiny*, L., Nauka: Leningradskoe otdelenie, 1982. – 272 s.
- Fedotov G. P., *Novyi grad*. N'yu-Iork, Izdatel'stvo im. Chekhova, 1952. – 380 s.
- Khabermas Yu., *Filosofskii diskurs o moderne. Dvenadtsat' leksii / per. s nem*, M., Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2003. – 416 s.
- Shelokhaev V. V., *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii*, M., ROSSPEN, 1996. – 280 s.
- Shelokhaev V. V., *Fenomen mnogopartiinosti v Rossii*, Krainosti istorii i krainosti istorikov, sb. st. k 60-letiyu professora A. P. Nenarokova, M., RNISiNP, 1997. – 280 s.
- Etkind A., *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii*, avtoriz. per. s angl. V. Makarova, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. – 448 s.
- Yakovlev N. N., *1 avgusta 1914*, 2-e izd., M., Molodaya gvardiya, 1974. – 240 s..

Статья поступила в редакцию 20.12.2016 г.